

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-383-401

EDN: NUMMVP

УДК 811.161.1:343

Научная статья / Research article

Параметрическая триангуляция в судебной лингвистической экспертиологии: на примере установления признаков оскорбления

А.А. Лавицкий

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Советская, 18

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
210010, Республика Беларусь, Витебск, ул. М. Шагала, 8А

✉ anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Представлено теоретическое обоснование авторской методики проведения судебной лингвистической экспертизы текста — параметрической триангуляции. Ее суть состоит в привлечении к ранее верифицированному методу параметризации принципов триангуляции — использование нескольких методов для решения одной задачи, а также нескольких источников при работе со словарями и справочными изданиями. Разработанная методика включает три последовательных аспекта экспертной работы: 1) установление параметров идентификации правонарушения, совершаемого вербальным способом; 2) определение перечня методов и алгоритма изучения языкового материала с целью установления соответствия его характеристик заданным параметрам; 3) количественно-качественная оценка результатов исследования. Практические вопросы использования предлагаемой методики подробно рассматриваются на примере экспертизы продуктов речевой деятельности, содержащих признаки оскорбления. Установлено, что исходя из зафиксированного в белорусском законодательстве определения оскорбления идентифицируют параметры атрибутированности (статусное понижение образа объекта речевого воздействия), ненормативности (использование в составе атрибутивных конструкций языковых единиц, относящихся к обценной лексике) и умышленности (чаще всего заменяется в экспертной практике фактологичностью), то есть наличие интенционального желания негативно охарактеризовать объект речевой агрессии. Заключение о соответствии конфликтного текста признакам оскорбления основывается на результатах, полученных при помощи нескольких методов, используемых для изучения текста по каждому параметру: логико-семантический, лексико-центрический и сравнительно-сопоставительный анализ для атрибутированности; словарный, стилистический и жанрово-стилистический анализ для ненормативности; методы синтаксического, прагмалингвистического и контекстуального анализа для умышленности (фактологичности). Представлены примеры изучения фактического материала,

© Лавицкий А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

включающие тексты из авторской практики проведения судебных лингвистических исследований. Актуальность предлагаемой методики доказывается достижением положительного эффекта в нивелировании возможной субъективизации экспертных выводов и повышении уровня их наглядности, а также минимизации допущения неточностей в заключении специалиста.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, параметризация, триангуляция, трансфер, лингвистическая методология, оскорбление, конфликтогенный текст

Финансирование. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований Г22–074 «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста».

История статьи:

Дата поступления: 01.05.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Лавицкий А.А. Параметрическая триангуляция в судебной лингвистической экспертизе: на примере установления признаков оскорбления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 383–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-383-401>

Parametric Triangulation in Forensic Linguistic Expertise: on the Example of Insult

Anton A. Lavitski

Belarusian State Pedagogical M. Tank University,
18, *Sovetskaya str.*, Minsk, Republic of Belarus, 220030

Vitebsk Branch of the International University “MITSO”,
8A, *M. Chagall str.*, Vitebsk, Republic of Belarus, 210010

✉ anton_lavitski@mail.ru

Abstract. The article presents the theoretical substantiation of the author’s methodology for conducting a forensic linguistic examination of the text — parametric triangulation. Its essence is to attract to the previously verified method of parameterization the principles of triangulation — the use of several methods to solve one problem, as well as several sources when working with dictionaries and reference publications. The developed technique includes three consistent aspects of expert work: 1) the establishment of the parameters of identification of the offense committed in a verbal way; 2) determination of the list of methods and algorithm for studying language material in order to establish the compliance of its characteristics to the specified parameters; 3) quantitative-qualitative assessment of the results of the research. Practical issues of using the proposed methodology are considered in detail on the example of an expertise of speech activity products containing signs of insult. It has been established that based on the definition recorded in the Belarusian legislation, the insult is identified by the parameters of attributivity (status decrease in the image of the object of speech influence), non-normativity (the use of linguistic units related to the vocabulary as a part of the attributive constructions of the vocabulary) and deliberateness (In expert practice, most often replaced by factology), i.e., presence of intention to create a negative image of the victim. The

conclusion on whether the conflictogenic text corresponds to one of the parameters is drawn from the results obtained through application of several methods: logical-and-semantic, lexis-centric and comparative analyses to identify attributivity; lexical, stylistic and genre analyses to identify non-normativity; syntactic, pragmalinguistic and contextual analyses to identify deliberateness (factology). Examples of the study of actual material are presented, including texts from the author's practice of conducting judicial linguistic research. The relevance of the proposed methodology is proved by the achievement of a positive effect in the leveling of the possible subjectivity of expert conclusions and an increase in their level of visibility, as well as minimizing the assumption of inaccuracies in the conclusion of a specialist.

Keywords: parameterization, triangulation, transfer, linguistic methodology, conflictogenic text

Financing. Acknowledgements

The publication was prepared out within the framework of the grant of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research Г22-074 “Linguistic explication of offences (extremism, threat, insult and defamation) in terms of forensic text analysis”.

Article history:

Received: 01.05.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Lavitski, A.A. (2023). Parametric Triangulation in Forensic Linguistic Expertise: on the Example of Insult. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 383–401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-383-401>

Введение

Судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ) текста научно утвердилась как одна из интегральных составляющих юридической лингвистики и достаточно прочно закрепилась как неотъемлемый компонент процессуально-следственной и судебной деятельности. Тем не менее, в актуальной повестке дня по-прежнему сохраняются вопросы методик и методов ее проведения. Призванная решать проблемы, не входящие в компетенцию правоохранительной и судебной системы, СЛЭ должна обеспечивать их максимально объективными данными, которые могут быть верифицированы в понимании участников юридических процессов. Именно поэтому «структура экспертного заключения, а часто и суды, требуют, чтобы методы были представлены в явном виде» [1. С. 119].

Результаты лингвистической экспертизы, в первую очередь, зависят от выбора методики и методов исследовательской работы [2. С. 118]. В настоящее время их использование, равно как и обоснование актуальности по отношению к конкретному конфликтогенному тексту, входит в зону персональной ответственности эксперта и регламента экспертного учреждения, что не исключает фактора субъективности итоговых выводов исследования речевого материала. Именно поэтому как в научном сообществе, так и в системе правоприменительной и судебной практик достаточно часто поднима-

ется вопрос о нормализации (унификации) методологии проведения лингвистической экспертизы. При этом нормализация понимается как комплексное явление, охватывающие 1) первичное звено — методы как «способы познания явлений действительности и их закономерностей, 2) методики — алгоритмизированный набор методов исследовательской работы. Сама же методология рассматривается как «совокупность познавательных средств» [3. С. 170], то есть методик и методов.

Постановка проблемы

В настоящее время разработка и введение в практику СЛЭ унифицированных методик с ограниченным набором методов представляется несколько преждевременной. Поскольку количество коммуникативных ситуаций, которые могут стать предметом правового разбирательства, потенциально не ограничено, то и утверждение только одного метода как базового при изучении того или иного признака правонарушения, совершаемого вербальным способом, не исключит возможных экспертных ошибок. Специалистам-практикам хорошо известно, что, например, для установления значения лексемы в речевом высказывании чаще всего мало одного только обращения к лексикографическим источникам. Зачастую экспертам приходится дополнительно проводить прагмалингвистический или контекстуальный анализы, изучать жанрово-стилистические особенности текста и др.

Вариативность использования методов в СЛЭ, а также поиск новых методик следует рассматривать как одно из значимых направлений развития общей юрислингвистической теории и судебной экспертологии в частности. В результате планомерной работы в этой сфере современной методологический инструментарий судебной экспертологии обогатился, что позволило проводить комплексный лингвоправовой анализ конфликтогенного текста с опорой на широкий арсенал культивируемых в лингвистике методов, что немаловажно, так как «текст всегда анализируется полностью, а не только его отдельные компоненты, на которые имеются указания в вопросе эксперту» [4. С. 209]. Кроме того, свою продуктивность доказало и направление методологического трансфера. Так, метод параметризации, пришедший в лингвистическую экспертологию из инженерии и точных вычислений [5. С. 8], в настоящее время рассматривается не просто как отдельный способ исследовательской работы СЛЭ, а как базовая методика. Судебно-лингвистическая параметризация, теоретически обоснованная профессором М.А. Осадчим [5] и успешно апробированная в практике подготовки судебных лингвистических заключений по целому ряду правонарушений, совершаемых вербальным способом (оскорбление, угроза, клевета, экстремизм и т.д.), нам видится наиболее удачной базовой методикой лингвоправового анализа текста. Суть судебной лингвистической параметризации

сводится к установлению признаков, отличительных для каждого отдельного правонарушения, совершаемого вербальным способом, и их последующей количественной и качественной оценки.

Однако будет необъективным не принять во внимание и доводы о том, что отсутствие унифицированных методик и вариативность в использовании методов проведения судебного лингвистического исследования приводит и к возникновению спорных ситуаций. Представители юридической системы отмечают случаи, когда «в заключениях экспертов присутствуют: противоречия (внешняя и внутренняя противоречивость: если сравнить заключения по одному делу, наблюдаются не только противоположные выводы, но и категориальные противоречия); противоречивость выводов» [6]. Отдельные ученые выделяют даже такое понятие как «ангажированная лингвистическая экспертиза» [7; 8]. В данном случае речь идет об использовании специалистом исследовательских методов, либо не позволяющих получить достаточно данных для однозначного заключения по вопросам, поставленным на рассмотрение, либо разрешающих «подогнать» результаты работы под заранее заданные выводы. Кроме того, эксперты могут использовать только «подходящие» источники (словари, например), фрагментарно рассматривать конфликтогенные ситуации, то есть не обращаться к полному контексту речевого акта.

Таким образом, возникает диалектическая проблема: с одной стороны, введение в экспертную практику унифицированных методик и методов может привести к: а) дискриминации отдельных методов, верифицированных в практике проведения СЛЭ; б) регрессу в теоретических исследованиях лингвистической экспертологии; в) возможным следственно-процессуальным и судебным ошибкам. С другой стороны, наблюдаемая вариативность выводов при использовании различных методов специального анализа текста непозволительна для СЛЭ и имеет для нее дискредитирующий характер.

Актуализация вопроса внедрения триангуляционного метода в СЛЭ

Одно из возможных решений нормализации методологического инструментария лингвистической экспертологии видится в потенциале кратко обозначенной выше теории трансфера, а точнее — во внедрении новых методов, разработке новых методик судебного лингвистического исследования текста. Новацией здесь может стать использование принципов триангуляции — «проверки согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов» [9. С. 223]. Триангуляция ранее не активно использовалась в лингвистических исследованиях и никогда прежде не внедрялась в сферу судебной экспертной работы с текстовым материалом, однако ее возможности представляются достаточно актуальными.

Цель настоящей статьи — дать теоретические обоснования параметрической триангуляции как методике проведения судебной лингвистической экспертизы текста и представить ее практическую реализацию на материале такого вида правонарушения, как оскорбление.

Принято считать, что самое глубокое и системное описание триангуляции дает теория Н. Дензина, согласно которой можно выделить четыре формы триангуляции: 1) триангуляция данных (использование в одном исследовательском проекте различные типы данных); 2) триангуляция исследователей (работа в рамках единого проекта нескольких исследователей, получающих данные обособленно друг от друга); 3) теоретическая триангуляция (интерпретация данных на основе нескольких подходов); 4) методологическая триангуляция (использование для решения одной задачи нескольких методов) [10. С. 110]. Мы остановимся на первом и последнем из обозначенных аспектов и постараемся представить возможности методологического потенциала триангуляции в процессе проведения СЛЭ текста.

В парадигме лингвистических учений триангуляция пока не получила широко применения из-за ряда факторов. Во-первых, это достаточно трудоемкий эмпирический метод, так как он требует не только аналитического сопоставления результатов исследования, проведенных с использованием иных методов, но и собственно проведения указанных научных изысканий. Иными словами, сначала одну и ту же задачу следует решить различными способами либо получить данные из нескольких источников, и только потом новые сведения подвергнуть аналитическому рассмотрению. Такой подход несвойственен для лингвистики, так как она чаще всего отказывается от математической точности в обработке фактических данных, являясь «по своей природе принципиально неточной и субъективной наукой» [11. С. 175]. Во-вторых, триангуляционный алгоритм исследовательской деятельности значительно увеличивает исследовательские временные затраты. При подготовке судебного экспертного заключения это напрямую повлияет на экономическую эффективность работы специалиста, отразится на длительности процессуальных процедур правового разбирательства.

Однако положительный эффект от использования триангуляции в практике СЛЭ является несомненным. Во-первых, использование нескольких методов для решения одной задачи позволяет получить валидные для дальнейшего сравнения данные. Во-вторых, сопоставительный анализ таких данных минимизирует фактор возможной субъективизации экспертной оценки. В-третьих, внедрение триангуляции позволяет разработать алгоритм изучения конфликтогенного текста, то есть методику, что повышает эффективность и наглядность исследовательской работы, в том числе это касается и количественно-качественной оценки речевого материала: процессуальный аспект триангуляции позволяет «сделать саму процедуру максимально прозрачной и “тиражируемой”» [12. С. 142]. В конечном итоге такой положитель-

ный эффект оправдывает представленные выше негативные экономико-временные последствия внедрения триангуляции, ибо речь идет о возможности минимизировать юридические риски, дать беспристрастную и объективную правовую оценку спорного текста.

Алгоритмизация параметрическо-триангуляционного исследования конфликтогенного текста

Алгоритмизация исследовательской работы при использовании параметрической триангуляции включает в себя три ступени: 1) установление перечня параметров идентификации признаков правонарушения, совершаемого вербальным способом; 2) определение методов их экспертного изучения; 3) количественно-качественную оценку результатов специального исследования.

Остановимся на таком правонарушении, как оскорбление, и представим наглядный пример. Рассмотрим данный тип противоправного деяния на примере белорусского законодательства. В статье 10.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях обнаруживаем следующую формулировку: **оскорбление** — умышленное унижение чести и достоинства, выраженное неприличным способом. Таким образом, экспертное лингвистическое исследование на предмет наличия/отсутствия в тексте признаков оскорбления включает в себя облигаторное исследование следующих аспектов: 1) *атрибутированности* (корректировка образа лица в худшую сторону за счет понижения статусного положения относительно говорящего); 2) *ненормативности* (использование лексем, реализующих характеристику атрибутированности речевого высказывания и относящихся к бранным, стилистически сниженным) [5. С. 97], а также 3) *умышленности* (о понимании умышленности в СЛЭ см. ниже). Здесь также кратко отметим, что понятия чести и достоинства. Обе категории включают морально-нравственные и этические характеристики человека: первая локализована вне личности, то есть отношение к ней со стороны социального окружения, вторая — это самооценка личностных качеств. Хотя честь и достоинство не являются полными синонимами, с юридической точки зрения это не имеет значения: в диспозиции обозначенной выше статьи сложено понимание достоинства как безусловной ценности личности.

Разработанная нами методика параметрической триангуляции основывается на привлечении нескольких методов для решения одной исследовательской проблемы. Так, для определения наличия или отсутствия признаков атрибутированности речевого высказывания набор таких исследовательских процедур включает три типа анализа: 1) логико-семантический (поиск атрибутивных конструкций с негативной характеристикой образа объекта); 2) лексико-центрический (семантическая интерпретации атрибутивной кон-

струкции) и 3) сравнительно-сопоставительный (изучение образов объекта и субъекта).

Логико-семантическое исследование, суть которого заключается в установлении перечня лексем, дающих негативную характеристику личности, повсеместно распространено в СЛЭ. В данном случае экспертная работа включает в себя поиск языковых конструкций, формирующих отрицательный образ адресата. К числу таких единиц относят различные типы словосочетаний, которые можно выделить на логическом уровне и один из компонентов которых указывает на объект речевого воздействия. Для логико-семантического анализа важно также установить значение лексических единиц, реализующих параметр атрибутивности. Именно поэтому метод не рассматривается нами изолировано от лексико-центрического анализа, устанавливающего оценочную семантику посредством изучения лексикографических источников. Часто допускаемой ошибкой в исследованиях, связанных с изучением семантики атрибутивного высказывания, является обращение только к одному типу словарей, как правило, толковым. Триангуляция позволяет избежать такого рода неудачи и проверить не только правильность интерпретации атрибутивной семантики речевого высказывания, но и ее соответствие идентифицирующему признаку — выражение негативной характеристики личности. Приведем пример из реальной практики:

На исследование было представлено высказывание «Ты прокурор с...ка свое еще получишь!» (знаки препинания не расставлены, так как фраза была произнесена устно и не пояснена адресантом). Эксперту был поставлен вопрос о наличии в тексте слов со значением негативной характеристики личности, именуемой как прокурор.

На формально-логическом уровне в искомой фразе можно выделить одну конструкцию «*прокурор — с...ка*». Оценочное значение существительного «*с...ка*» при этом интерпретируется как негативное, исходя из дефиниций, обнаруживаемых в толковых словарях: «**с...ка** — негодяй, мерзавец (бранное слово)» (Толковые словари С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой и др.). Однако обращение к специализированным лексикографическим изданиям обценной лексики показывает, что слово «*с...ка*» имеет также значения «межд. часто в конструкциях типа: “во бл...дь!”, “ну, бл...дь!”, “ах, бл...дь!”; активно используется для “связки слов”, в качестве фонетической запятой» [13. С. 13]. Повсеместное наличие такого рода лексики в речевом потоке может быть и естественной формой языкового поведения личности. Таким образом, в отсутствие пояснений адресанта указанные выше значения обценной лексики дают основания усомниться в наличии в представленной на экспертное рассмотрение фразе атрибутивных конструкций, характеризующих личность, именуемую как «прокурор».

Представленный пример является демонстрацией принципа триангуляции данных в СЛЭ — использование различных типов источников. Для

экспертной работы по установлению семантики речевого высказывания следует использовать, как минимум, три вида словарей: 1) толковые словари; 2) специализированные словари обценных выражений, матизмов и 3) словари арго и жаргонной лексики. Использование вариативных типов словарных изданий обусловлено несколькими причинами, а именно: а) значение в словаре отражено «относительно полно и не всегда современно» [14. С. 259]; б) стилистические пометы в лексикографических источниках непоследовательны; в) любая словарная статья авторски субъективизирована.

Так как параметр атрибутированности выполняется в случае, если высказывание адресанта статусно понижает образ объекта, то в судебной экспертной практике логично использовать сравнительно-сопоставительный анализ. Например, если представить область атрибутивной характеристики субъекта и объекта коммуникативного взаимодействия в виде оси Y системы координат, то статусно более слабую позицию будет занимать тот, кто на этой оси находится ниже. При этом образы объекта и субъекта могут быть представлены как в системе положительных, так и отрицательных коннотаций, то есть выше или ниже исходной точки — нуля. При нахождении образа объекта в зоне положительной коннотации его характеристика не может быть признана умаленной, то есть признать, что отсутствует сам факт оскорбления, например: *Ты, конечно, не вундеркинд, но и не придурок*. Отсутствие в тексте описания образов самого автора и объекта его воздействия позволяет определить их нахождение на оси Y в нулевой точке. Например, во фразе *Ты полный идиот* образ автора вербально не обозначен, следовательно, он будет располагаться в предложенной схеме в точке «0» системы координат, а образ объекта — ниже данной точки, то есть параметр атрибутированности выполняется. В высказывании *Мы все твари еще те, но ты превзошел нас* образы объекта и субъекта находятся в системе отрицательных коннотаций, однако субъект рассматривается как имеющий большую степень негативной характеристики. Следовательно, параметр атрибутированности выполняется статусный образ объекта находится ниже, чем определяет себя сам субъект. А в примере *Я такой же придурок, как и ты — ввязался в какую-то ерунду* образы субъекта и объекта находятся в одной точке системы негативных коннотаций, то есть статус объекта речевого воздействия не находится ниже статуса субъекта — параметр атрибутированности не выполняется.

Параметр ненормативности ориентирован на исследование лексем, реализующих атрибутированность речевого высказывания. На первый взгляд, категория ненормативности лексики представляется достаточно размытой для использования в прикладной судебной экспертной работе. Достаточно вспомнить, что в лингвистической теории различают кодифицированную и некодифицированную норму, используют оппозицию «норма — узус». Отнести этот вопрос только в сферу этико-лингвистических норм представляется не до конца оправданным, ибо нормы эти «абсолютны и ситуацион-

ны, они объективны и субъективны» [15. С. 106]. Выходит проблема и за границы генристики текста, как минимум вследствие диффузности жанров. В то же время СЛЭ в целом справляется с поставленной задачей и выработала несколько алгоритмов работы по установлению маркеров ненормативности лексических единиц.

В изучении конкретных лексических единиц в экспертной практике сложилась традиция опираться на словарный анализ. Так, В.И. Жельвис считает, что ненормативными (неприличными) являются обценные слова и выражения, а также речевые формы, содержащие непристойности [16. С. 193]. Профессор М.А. Осадчий предлагает дополнить этот подход стилистическим анализом и признать ненормативными лексемы с «„радикальными“ стилистическими пометами — *бран., руг., груб.-прост.*» [5. С. 85]. В целом соглашаясь с представленным мнением, обозначим лишь, что в данном случае необходимо соблюдать описанный выше принцип триангуляции данных, касающийся использования словарных источников. Хотя и этого иногда бывает недостаточно. Дело в том, что, например, единицы, внесенные в лексикографические издания жаргона и арго, играют особую функциональную роль, осуществляя «языковую маскировку содержания коммуникации» [17. С. 38]. Этим нередко пользуются правозащитники, апеллируя в суде, что функционально такие слова нельзя отнести к нецензурной брани, что в целом соответствует лингвистической логике.

Представим пример из нашей экспертной практики: *Гражданин А. разместил в социальной сети комментарий, в котором назвал сотрудника органов внутренних дел Б. пид...ром.* В процессе следственного и судебного разбирательств адвокат гражданина А. настаивал на том, что его клиент, действительно, считает Б. представителем сексуального меньшинства, а использованное слово обнаруживается в словаре арго, следовательно, является сленговым вариантом номинации и не относится к ненормативной лексике. Более того, такая интерпретация снимала и вопрос атрубитированности речевого высказывания, так как его содержание в этом случае не умаляло честь и достоинство Б.

Логика представленных адвокатом доводов понятна и имеет право на существование. Однако проведенный жанрово-стилистический анализ всего текста комментария, а также других сообщений, опубликованных гражданином А. в социальной сети, позволил прийти к выводу, что автор единично использовал спорную лексему и не употребляет такого рода слова в других текстах. Это дает основания утверждать, что инвективная единица не является маркером принадлежности адресата к некоей субкультуре и в речевом высказывании является ненормативной. Таким образом, в предлагаемую параметрическо-триангуляционную модель исследования ненормативности речевого высказывания следует внести метод жанрово-стилистического и корпусного анализов (последний как факультативный).

Не менее сложным представляется исследование параметра умышленности, который чаще всего заменяется в экспертной практике категорией фактологичности. Дело в том, что понятие умысла в правовой интерпретации не может быть экстраполировано в сферу СЛЭ. Функционально юридическая категория умышленности — это форма вины [18. С. 193]. Для преступления наличие умысла — это отягчающее его обстоятельство, а отсутствие — смягчающее. Очевидно, что в диспозиции правовой нормы, регламентирующей нанесение оскорбления, вложено совершенное иное понимание рассматриваемого феномена. Здесь умышленность следует трактовать как «элемент мотивационно-потребностной сферы», то есть «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо» [19. С. 128] (нанести моральный вред), не принимая во внимание осмысление потенциального последствия — привлечения к юридической ответственности. Таким образом, умышленность требует обращения к исследованию понятия целенаправленности действий, значит, она может определяться как форма реализации намеренности действия, детерминированного мотивом [20. С. 32]. При этом мотив определяется максимально широко — как основа любой осознанной деятельности [21].

Такое расхождение в концептуальном значении умышленности отразилось на реальной экспертной работе: при рассмотрении дел об оскорбительности речевого высказывания перед специалистом чаще всего ставится вопрос о наличии в тексте фактологических утверждений. Формулировка вопроса обычно звучит следующим образом: *Имеются ли в представленном на исследование тексте указания, умаляющие честь и достоинства кого-либо в форме утверждения о факт(е) ах?* Логика постановки вопроса просматривается и по отношению к значимости оппозиции *факт — мнение*: первый компонент может быть предметом правового разбирательства, второй — нет, ввиду наличия конституционной нормы, позволяющей личности беспрепятственно высказывать собственные воззрения.

Наш опыт показывает, что зачастую при установлении признака фактологичности высказывания эксперты ограничиваются синтаксическим анализом, строя свои выводы на основании определения типа конструкции предложения: повествовательная, восклицательная, вопросительная. Первые два типа синтаксического оформления речевого акта, как правило, признаются фактологическими, третий — нет. При несомненной необходимости такого исследования сам обозначенный подход не всегда дает однозначно безапелляционные результаты и позволяет отразить реальные намерения адресанта. Сравним: *Он полный идиот* и *Разве я не должен сказать ему, что он полный идиот?* Во втором высказывании можно выделить главное предложение *Разве я не должен сказать ему?*, которое является вопросительным, и утвердительное придаточное *Он полный идиот*.

Лингвистическая теория неслучайно не использует категорию умышленности, а активно оперирует иными (синонимичными), в частности ин-

тенцией. Данное понятие даже шире, нежели намерение [20. С. 30], так как согласно Дж. Серлю интенция является направленностью на объекты или положения дел в мире: «субъективные состояния соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть интенциональность» [22. С. 37]. Одним из способов изучения интенции высказывания является прагмалингвистический анализ. Для судебной экспертологии полезными будут два его аспекта: установление типа речевого акта и определение его иллокутивной цели. Фактологический тип высказывания реализуют репрезентатив (констатация, утверждение), констатив (подтверждение), декларация (демонстрация решения) и др. А оскорбительность его цели — соответствие иллокутивной составляющей желанию нанести моральный вред объекту, представив его негативную атрибутивную характеристику.

К методам, позволяющим выявить признаки умышленности речевого высказывания, относится контекстуальный анализ. Для СЛЭ аксиоматично утверждение: чем шире контекст, тем более достоверны выводы специалиста. Дело в том, что коммуникативный акт не возникает ниоткуда: он является реакцией на обстоятельства, объективизированные когнитивной деятельностью личности. Контекст — это «условия употребления данной языковой единицы в речи, языковое окружение, а в широком смысле — также ситуация речевого общения» [3. С. 134]. Приведем пример: высказывание *Да таких бл..дей, как ты еще поискать надо!* очевидно соответствует всем параметрам оскорбительного речевого высказывания, и его автора можно привлечь к правовой ответственности. Однако представим, что данный вербальный акт в контексте последовал после фразы *Вчера по телевизору сказали, что таких, как ты, теперь принято называть «женщина с пониженной социальной ответственностью»*. Очевидно, что такое высказывание играет функцию триггера референтной ситуации (по В.И. Шаховскому, референтная ситуация — это «реверсное переосмысление», корректирующее коммуникативное поведение [23]), является оскорбительным с позиции коммуникативной лингвистики, хотя, с точки зрения правового контроля, не относится к наказуемой деятельности (не соблюдается параметр ненормативности). Более того, семантика обеих инвектив практически идентична. Это может свидетельствовать о том, что автор референтного речевого акта спровоцировал негативное высказывание в свой адрес, а отвечающий выразил таким образом самозащиту с презумпцией «не хотел оскорбиться» [23].

Итак, контекстуальный анализ позволяет заключить, что оба высказывания синонимичны и реализуются в форме экспрессивных речевых актов, однако различаются в своем лексическом наполнении и по иллокутивной цели. Текст с лексическим компонентом «женщина с пониженной социальной ответственностью» а) ориентирован на нанесение морального вреда адресату и б) не содержит слов, относящихся к обценным и ненор-

мативным. В речевом акте с компонентом «бл...дь» идентифицируются а) вариативные типы иллокутивной цели (1) вербальная самозащита или 2) причинение морального ущерба) и б) обценная лексема (использование табуированной лексики может быть расценено как особенность коммуникативного поведения автора или языковое средство, усиливающее выражение агрессии). Таким образом, если иллокутивная составляющая начала референтной ситуации ориентирована на нанесение морально-психологического вреда, то следующее за ним оскорбительное (с правовой позиции) высказывание, выраженное экспрессивным коммуникативным актом, с высокой долей вероятности может быть признано экспертом как форма инстинктивной речевой реакции (самозащиты) — неумышленное высказывание. Такие примеры относятся различным типам нарушения личностных прав и свобод (унижение, троллинг, буллинг, др.), а также к проявлениям клеветы, угрозы.

Отдельно следует остановиться на критериях оценки результатов исследования конфликтогенного текста с использованием методики парметрической триангуляции. Основной принцип методологической триангуляции заключается в возможности верификации исследовательского вывода посредством использования нескольких экспертных процедур. Таким образом обеспечивается достоверность результатов. В общем виде это можно представить в виде утверждения: *Вывод является верным, если это подтверждают результаты Метода 1, Метода 2... Метода X* (триангуляция не ограничивает возможное количество методов). Однако, как мы уже отмечали выше, лингвистике (а СЛЭ входит в парадигму ее научных дисциплин) не свойственна математическая точность. Поэтому возможны случаи, когда при использовании различных методов специалисты будут получать неидентичные данные. Это вполне нормально, ибо коммуникация — это речемыслительная деятельность, основанная на когнитивной специфике языковой личности и связанная с множеством экстралингвистических факторов (принадлежность к лингвокультурной общности, институциональность ситуации общения, эмоциональный фон и т.д.). Данные параметры практически не поддаются научному измерению в конкретных величинах, например, невозможно указать, что эмоциональность текста равна 5 условным единицам. Во-первых, восприятие речи адресата и адресанта не может быть абсолютно одинаковым, ввиду их собственной индивидуальности (касается это и массового адресата, где каждая отдельная языковая личность будет воспринимать текст сквозь призму собственного социального опыта и специфики своего мышления, физиологии и др.). Во-вторых, далеко не всегда можно определить конкретные измеримые характеристики текста, например, его экспрессивность.

Лингвистический инструментарий позволяет вывить количество тех или иных языковых явлений в тексте (лексем, синтаксических конструкций,

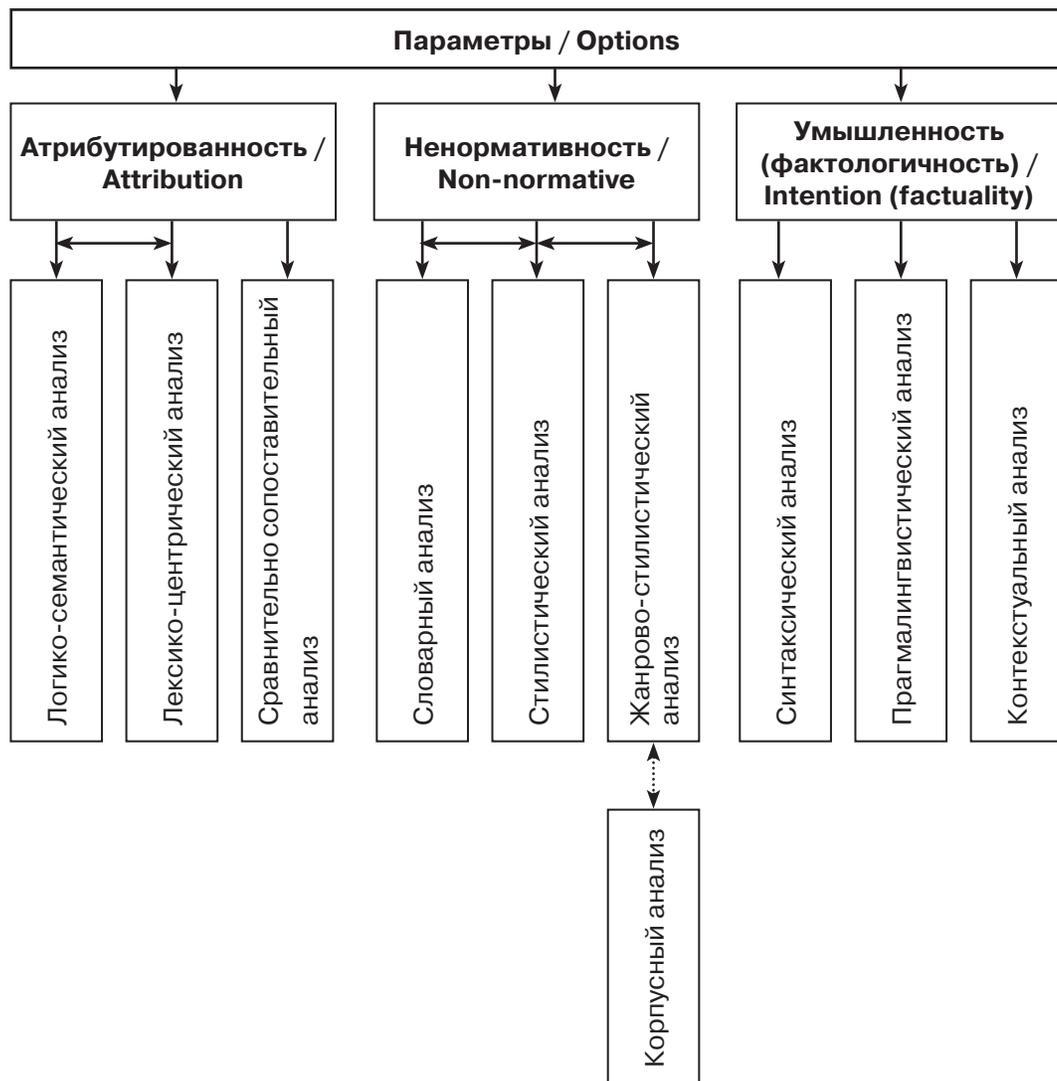
тропов и т.д.) и на этом основании сделать выводы, для которых чаще всего используются более абстрактные, нежели физические единицы, параметры: например, уровень, частотность могут быть высокими, средними, низкими. Так, сложность перевода текста определяется по степени его лакунарной напряженности (количество языковых явлений, не имеющих прямых эквивалентов и вызывающих трудности при передаче на язык перевода), которая измеряется как сильная, средняя, слабая. СЛЭ не является исключением, поэтому вполне оправданно может оперировать такими оценочными характеристиками, как «с большой/малой долей вероятности», «невозможно достоверно установить».

Если в процессе проведения судебного лингвистического исследования все используемые методы изучения соответствия конфликтогенного текста тому или иному параметру дают одинаковый результат (материал содержит/не содержит соответствующие признаки), специалист делает однозначный вывод. Если полученные разными методами данные различаются, то экспертная оценка может быть как однозначной (например, в высказывании отсутствуют лексемы, относящиеся к ненормативной форме речевого высказывания и реализующие атрибутивную характеристику кого-либо), так и оформлена при помощи обозначенных выше измерительных характеристик (например, с большой долей вероятности коммуникативный акт является умышленной формой речевой деятельности). Ответственность за формулировку вывода в таком случае ложится на эксперта, который, основываясь на собственном опыте, своей квалификации, имеет право самостоятельно определить уровень возможной достоверности результатов исследования. Такая практика не противоречит общепринятым принципам экспертной деятельности: сравним медицинское заключение «*Удар был нанесен тупым, предположительно круглым, предметом*» или техническое — «*Причиной неисправности могли стать как усталость материала конструкции, так и заводской брак механизма*».

Несоответствие конфликтогенного текста одному из параметров позволяет правоохранительным, следственным органам или суду в дальнейшем сделать вывод об отсутствии состава преступления в речевой деятельности.

Таким образом, алгоритм проведения параметрическо-триангуляционного судебного лингвистического исследования на предмет наличия в тексте признаков оскорбления (рисунок) включает в себя рассмотрение трех идентифицирующих признаков: атрибутированности, ненормативности и умышленности (фактологичности). Представленная методика позволяет получить достоверные результаты экспертного изучения конфликтогенного текста за счет использования нескольких специальных методов для решения одной задачи.

**Алгоритм проведения параметрическо-триангуляционного
судебного лингвистического исследования на предмет наличия
в тексте признаков оскорбления /
Algorithm for Parametric-Triangulation Forensic Linguistic Study for the Presence
of Signs of Insult in the Text**

Для изучения параметра атрибутированности (выявление лексических единиц, создающих негативный образ объекта речевого воздействия) используются логико-семантический, лексико-центрический и сравнительно сопоставительный анализы. Первые два исследовательских метода взаимодополняют друг друга, они позволяют установить перечень атрибутивных лексических компонентов и провести оценку их семантики. Метод сравнительно-сопоставительного анализа используется для выявления соотношения образа объекта речевого воздействия и автора.

Параметр ненормативности (установление принадлежности лексем, входящих в состав атрибутивных конструкций, к обценным) требует использования взаимодополняемых методов словарного, стилистического и жанрово-стилистического анализов. Последний может дополняться корпусным исследованием текстов адресанта конфликтогенного высказывания с целью установления особенностей его коммуникативной активности. Словарный анализ позволяет установить, закреплены ли спорные единицы в специальных лексикографических источниках — словарях матизмов, бранной лексики. Стилистический анализ, как дополняющий указанный выше метод, ориентирован на изучение словарных помет атрибутивных лексем.

Параметр умышленности в процессуально-следственной и судебной практике чаще всего заменяется категорией фактологичности. Терминологическая замена в данном случае вполне оправданна, так как в юридическом значении понятие «умысел» не может быть экстраполировано по отношению к речевому намерению. В лингвистике используются синонимичные единицы: интенция, иллокуция, характеристики которых позволяют определить метод синтаксического, прагмалингвистического и контекстуального анализов. Использование первого из указанных методов позволяет установить на формальном уровне наличие утверждения. Прагмалингвистический анализ разрешает вопрос оценки иллокутивной составляющей речевого высказывания. Контекстуальное изучение материала дает характеристику ситуации языкового взаимодействия. В ряде случаев данная экспертная процедура позволяет выявить наличие референтной коммуникативной ситуации и оценить эмоциональность конфликтогенного высказывания.

Заключение

Несмотря на достаточно серьезную теоретическую базу и накопленный опыт прикладных исследований, современной судебной лингвистической экспертологии еще предстоит решить вопрос об унификации своего методологического инструментария. Очевидно, что эта подотрасль правовой лингвистики способна не только успешно применять методы изучения продуктов речевой деятельности, верифицированные в языкознании, но и самостоятельно разрабатывать новые, экспортировать их из смежных научных парадигм, а также из сферы естественнонаучного знания. Последние нашло отражение в использовании подходов и принципов параметризации и триангуляции. И если параметрическое моделирование уже используется в практике проведения специальных исследований языкового материала на предмет выявления в его содержании признаков противоправной деятельности, то триангуляция впервые представлена в системе методов лингвоправового изучения конфликтогенных текстов.

Разработанная методика параметрической триангуляции призвана решить несколько проблемных вопросов, вызывающих критику как в отношении отдельных заключений, так и всей системы судебной лингвистической экспертизы. Во-первых, это повышение уровня наглядности исследовательского процесса и его последовательная алгоритмизация. Во-вторых, минимизация возможных экспертных ошибок и неточностей. В-третьих, предлагаемая методика не исключает, а наоборот, приветствует применение успешно используемых в настоящее время методов изучения спорных текстов, а также привлечение новых.

Библиографический список

1. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1(41). С. 118–126.
2. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза: понятие, принципы, процессуальное значение. Краснодар: Дом — ЮГ, 2012.
3. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018.
4. Яковлева Е.А., Аблин М.В. Принципы судебной лингвистической экспертизы в юрлингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6(1). С. 208–213.
5. Осадчий М.А. Русский язык в судебном процессе. М.: Ленанд, 2019.
6. Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1(2). Режим доступа: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml> (дата обращения: 04.01.2022).
7. Галышина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышляя после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 12(3). С. 33–39.
8. Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2. С. 48–51.
9. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005.
10. Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago: Aldine, 1970.
11. Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. № 16(2). С. 172–190. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190>
12. Пергаменецкий Л.А., Новак Н.Г. Методологическая триангуляция как способ построения психологического исследования // Вестник Брестского университета. Сер. Филология. Педагогика. Психология. 2015. № 2. С. 138–143.
13. Русский мат (Антология) / под ред. Ф.Н. Ильясова. М.: Лада М, 1994.
14. Бутакова Л.О. Лингвистическая экспертиза текста в пространстве лингвистического анализа речевых произведений, или что должен знать лингвист, чтобы быть хорошим экспертом // Юрлингвистика. 2008. № 9. С. 251–269.
15. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009.
16. Жельвис В.И. Инвектива // Антология речевых жанров. М.: Лабиринт, 2007. С. 187–195.
17. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995.

18. Сухарев А.Я., Крутских В.Е. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.
19. Новиков А.М. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М.: ИЭТ, 2013.
20. Маслова В.А., Лавицкий А.А. Философские вопросы семантики, поднимаемые Л.А. Новиковым, — ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 21–34.
21. Concise Encyclopedia of Psychology [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A.html (дата обращения: 01.06.2019).
22. Searl J.R. *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. New York: Basic Books, 1998.
23. Шаховский В.И. Семантика и семиотика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации. Режим доступа: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).

References

1. Kukushkina, O.V. (2016). Methods used in Forensic Linguistic Analysis. *Theory and practice of forensic science*, 1(41), 118–126. (In Russ.).
2. Kusov, G.V. (2012). *Forensic linguistic expertise: concept, principles, procedural significance*. Krasnodar: House — Yug Publ. (In Russ.).
3. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2018). *Modern dictionary of methodological terms and concepts. Theory and practice of teaching languages*. Moscow: Russian language. Courses Publ. (In Russ.).
4. Yakovleva, E.A. & Ablin, M.V. (2014). Principles of Forensic Linguistic Expertise in Forensic Linguistics. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 6(1), 208–213. (In Russ.).
5. Osadchi, M.A. (2019). *Russian language in litigation*. Moscow: Lenand Publ. (In Russ.).
6. Sekerazh, T.N. (2011). Methodological problems of the study of controversial texts in cases of extremism [Electronic resource]. *Psychology and Law*, 1(2). URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml> (accessed: 04.01.2022). (In Russ.).
7. Galyashina, E.I. (2017). Special Methods of Forensic Linguistic Analysis and “Expert Phantoms” (Reflections upon Reading the Works of R.S. Belkin's on Criminalistics). *Theory and practice of forensic science*, 12(3), 33–39. (In Russ.).
8. Salimovsky, V.A. & Mekhonina, E.N. (2010). Typical Mistakes (tricks) in Improper Forensic Linguistic Expertise. *Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology*, 2, 48–51. (In Russ.).
9. Yanchuk, V.A. (2005). *Introduction to modern social psychology*. Minsk: ACAR Publ. (In Russ.).
10. Denzin, N. (1970). *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. Chicago: Aldine Publ.
11. Maslova, V.A. (2018). The main Trends and Principles of Modern Linguistics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16(2), 172–190. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190> (In Russ.).
12. Pergamenschik, L.A. & Novak, N.G. (2015). Methodological Triangulation as the Way to Create Psychological Research. *Bulletin of Brest University. Philology. Pedagogy. Psychology*, 2, 138–143. (In Russ.).
13. Russian mat (Anthology) (1994). F.N. Ilyasov (Ed.). Moscow: Lada M Publ. (In Russ.).
14. Butakova, L.O. (2008). Linguistic Examination of the Text in the Space of Linguistic Analysis of Speech Works, or What a Linguist Should Know to be a Good Expert. *Yurislingvistika*, 9, 251–269. (In Russ.).
15. Brinev, K.I. (2009). *Theoretical Linguistics and Forensic Linguistic Expertise*, N.D. Golev (Ed.). Barnaul: Publ. of Altai State Pedagogical Academy. (In Russ.).

16. Zhelvis, V.I. (2007). *Invective*. In: *Anthology of speech genres*. Moscow: Labyrinth Publ. pp. 187–195. (In Russ.).
17. Vasil'eva, N.V., Vinogradov, V.A. & Shakhnarovich, A.M. (1995). *Brief dictionary of linguistic terms*. Moscow: Russian language Publ. (In Russ.).
18. Sukharev, A.Ya. & Krutskikh, V.E. (2003). *Big legal dictionary*. Moscow: Infra-M. Publ. (In Russ.).
19. Novikov, A.M. (2013). *Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy*. Moscow: IET Publ. (In Russ.).
20. Maslova, V.A. & Lavitski, A.A. (2019). Philosophical Issues of Semantics Raised by L.A. Novikov as a Key to Creating the Terminology Apparatus of Legal Linguistics (Category of Intention). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(3), 21–34. (In Russ.).
21. Concise Encyclopedia of Psychology [Electronic resource]. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KORSINI_Raymond,_AUERBAH_Alan/_Korsini_R.,_Auerbah_A.html (accessed: 01.06.2019).
22. Searl, J.R. (1998). *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. New York: Basic Books Publ.
23. Shakhovsky, V.I. Semantics and semiotics of insult in a conflict communicative situation [Electronic resource]. *World of Linguistics and Communication*. URL: <http://tverlingua.ru/> (accessed: 03.01.2022). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, докторант, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, Витебский филиал Международного университета «МИТСО». *Область научных интересов:* юрислингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика; *e-mail:* anton_lavitski@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9102-4440. Researcher ID: M-2526-2018. SPIN 7318-7002

Information about the author:

Anton A. Lavitski, PhD in Philology, Associate Professor, Postdoctoral student, Belarusian State Pedagogical M. Tank University, Professor of the Department of Law and the Humanitie, Vitebsk branch of the International University "MITSO". *Research interests:* forensic linguistic expertise, linguoculturology, cognitive linguistics; *e-mail:* anton_lavitski@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9102-4440, Researcher ID: M-2526-2018, SPIN 7318–7002